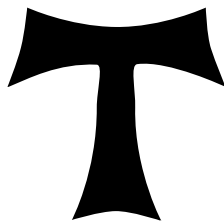

ВИКТОР ПЕЛЕВИН

ВИКТОР ПЕЛЕВИН

Москва
2023

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П24

Художественное оформление серии *Алексея Клепнева*

Дизайн макета *Алексея Дурасова*

Пелевин, Виктор Олегович.

П24 Т / Виктор Пелевин. – Москва : Эксмо, 2023. – 416 с.

ISBN 978-5-04-154503-1

«Т» – роман писателя, в эпоху которого служили народу Брежнев, Горбачев, Путин.

**УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44**

ISBN 978-5-04-154503-1

© В.О. Пелевин, 2016
© А. Клепнев, иллюстрация на переплете, 2021
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

*...солдат забытой Богом страны,
Я герой – скажите мне, какого романа?
I'm a soul, Джа.*

Пятница

Часть 1

Железная борода

I

Когда дорога пошла в гору, старенький паровоз сбавил ход. Это было весьма кстати — за окном открылась панорама удивительной красоты, и оба пассажира в купе, только что закончившие пить чай, надолго погрузились в созерцание.

На вершине высокого холма белела дворянская усадьба, возведенная, несомненно, каким-то расточительным сумасбродом.

Здание было красивым и странным: оно напоминало не то жилище эльфов, не то замок рыцарей-монахов. Белые шпили, стрельчатые окна, легкие мраморные беседки, поднимавшиеся из причудливо стриженных кустов парка — все это казалось нереальным на сквозном российском просторе, среди серых изб, косых заборов и торчащих по огородам пугал, похожих на кресты с останками еще при Риме распятых рабов.

Но даже необычнее белого замка выглядел пахарь, идущий за плугом по склону холма. Это был высокий чернобородый мужчина мощного сложения, одетый

в длинную рубаху. Его ноги были босы, а ладони лежали на ручках деревянного плуга, который тянул за собой конь-битюг.

— Вы не находите, ваше священство, что в этой картине есть нечто библейское?

Вопрос задал пассажир с густыми рыжеватыми усами, одетый в коричневую клетчатую пару и такое же кепи. А обращен он был к молодому священнику в черном клобуке и темно-фиолетовой рясе, сидевшему напротив.

Священник, очень похожий на оставшегося за окном пахаря сложением и бородой, отвернулся от стекла и с любезной улыбкой спросил:

— Что же вы в этом находите именно библейского, сударь?

Господин в клетчатом кепи чуть смутился.

— Нечто первозданно-величественное, вернее будет сказать, — ответил он. — Библия, как мы знаем, тоже относится к первозданному и величественному. В таком вот сопоставительном ключе-с. Извините, если неподобающе высказался.

— Ну что вы, — ответил священник. — Не следует быть настолько апологетичным.

— Простите, как?

— Апологетичным, склонным приносить излишние извинения. Миряне при разговоре со священством всегда стараются упомянуть о духовном. Дурного здесь нет, наоборот — отрадно, что мы одним видом своим поворачиваем помыслы к высоким предметам...

— Кнопф, — представился клетчатый господин. — Ардальон Кнопф, торговля скобяными товарами. Я, кажется, так и не назвался. А вы — отец Паисий, я помню.

Священник наклонил черный клобук.

Кнопф опять повернулся к окну. Усадьба и пахарь были все еще видны.

— А знаете ли, что за таинственный замок на холме, отец Паисий? Это Ясная Поляна, усадьба графа Т.

Он выговорил так — «графа Тэ».

— Неужели? — вежливо, но без интереса переспросил священник. — Какое странное имя.

— Графа стали так называть из-за газетчиков, — пояснил Кнопф. — Рассказывая о его похождениях, газеты никогда не упоминают его настоящей фамилии, чтобы не попасть под статью о диффамациях. Эта кличка теперь у него вместо имени.

— Романтично, — улыбнулся священник.

— Да. А по склону, надо думать, идет сам граф Т. У него это завместо утреннего моциона-с. Великий человек.

Отец Паисий сделал вежливое движение плечами, как бы одновременно и пожимая ими в недоумении, и соглашаясь с собеседником.

— А что же, — ответил он, — несколько часов крестьянского труда не повредят и графу.

— Осмелюсь задать вопрос, — быстро проговорил Кнопф, словно только и дожидавшийся этой секунды, — а как вы, ваше священство, относитесь к отлучению графа Т. от церкви?

Священник посерьезнел.

— Это крайне трагический факт, — сказал он тихо, — ибо что может быть скорбнее изгнания чада церкви из ее лона? Но причиной, видимо, являются греховные и непотребные деяния графа. Которые мне, впрочем, не вполне известны.

— Непотребные деяния? Тут я осмелюсь возразить вашему священству. Граф Т. — один из высоких нравственных авторитетов нашего времени. И его величие

от отлучения ничуть не умалилось. А вот авторитет церкви-с...

— Какие же у вас имеются основания считать графа Т. нравственным авторитетом? — полюбопытствовал священник.

— Как же-с. Защитник угнетенных, благородный аристократ, не боящийся бросить вызов злу там, где бессильны полиция и правительство... Кумир простых людей. Любимец женщин, наконец. Настоящий народный герой, хоть и граф! Неудивительно, что его начинает опасаться даже правящий дом.

Слова «правящий дом» Кнопф выговорил шепотом, выразительно выпучив глаза, и ткнул пальцем вверх.

— Суета сует, и всяческая суета, — проговорил отец Паисий с улыбкой. — Нравственный авторитет покупается ценой гонений и мук и не связан с одобрением толпы. Иначе придется приписать его и танцовщице, которая по вечерам поднимает голые ножки перед лорнирующим залом.

И отец Паисий показал двумя пальцами, как именно поднимаются ножки.

— Однако же граф Т. не танцовщица, — возразил Кнопф. — И гонений отнюдь не избежал. Знаете ли вы, что за ним установлен тайный надзор полиции и ему запрещено покидать усадьбу? Власти якобы опасаются за его рассудок. По слухам из семейных кругов, граф принял решение уйти в Оптину Пустынь.

— Оптину Пустынь? — отец Паисий нахмурился. — А с какой целью? И что это такое?

— Цель графа мне неизвестна. А о смысле сих слов говорят очень разное. Одни полагают, что это некий тайный монастырь, где граф собирается получить духовное напутствие у святых старцев-схимомонахов. Другие утверждают, что «Оптина Пустынь» есть при-

нятое у секты исихастов обозначение предельного мистического рубежа, вершины духовного восхождения, и это не следует понимать в географическом смысле. Третьи, в правительственных кругах... Совсем не представляю их мыслей, но по какой-то причине намерение графа проникнуть в Оптину Пустынь представляется им опасным. И наперерез Железной Бороде посланы лучшие агенты охраны.

— Железной Бороде? — переспросил священник.

— Да, так графа называют в Третьем отделении.

— Откуда у вас эти сведения?

Кнопф с готовностью вынул из кармана сложенную газету:

— А вот, пишут в «Петербургских Дребезгах».

Священник засмеялся.

— На вашем месте я не придавал бы значения слухам, которые распространяют подобные издания. Это все пустые сплетни, поверьте мне.

Кнопф посмотрел на часы, потом внимательно взглянул на священника.

— Однако же сведения о домашнем аресте графа самые доподлинные, — сказал он. — У меня, знаете ли, есть знакомства в полиции. Мне это по секрету рассказывали. И еще много интересного.

— Что же именно, позвольте полюбопытствовать?

— Говорят, — сказал Кнопф, пристально глядя на отца Паисия, — граф Т. завел себе двойника, высококого детину из крестьян. Сделал ему бороду из старого парика. И отправляет пахать к курьерскому каждый раз, когда хочет незаметно исчезнуть из усадьбы. А сам скрывается в переодетом виде. Садится на поезд, вот как раз где вы вошли, батюшка, и едет себе по делам...

— Вон оно что, — отозвался отец Паисий. — Интересно. Однако же, господин Кнопф, для торговца ско-

бяными товарами вы очень осведомлены о полицейских делах.

— А вы, батюшка, для священника переизбыточно экипированы. Вон какой у вас револьверище-то под рясой, рукоять аж выпирает. Зачем вам такой?

Священник сунул руку под рясу и вытащил оттуда длинный сверкающий револьвер.

— Этот-то? — спросил он, с некоторым словно бы удивлением осмотрев его. — Да от волков. Приход наш в лесах, путь от станции далекий. Дорога дальняя да ночка темная...

— «Саваж», французский? — промурлыкал Кнопф. — Хорош. А давайте я вам свой покажу...

И он вытащил из-за пазухи горбатый полицейский «смит-и-вессон».

Странное положение дел сложилось в купе.

Фиолетовый священник и клетчатый господин сидели на своих кожаных диванах с револьверами в руках — и не то чтобы прямо угрожали ими друг другу (разговор их был скорее шуточный и веселый), но все же ясно и недвусмысленно направляли нарезные стволы друг на друга.

— И раз уж мы заговорили про графа Т., — сказал Кнопф. — Знаете ли вы, что такое непотворение злу насилием?

— Конечно, — ответил священник, поигрывая револьвером. — Это морально-этическое учение о недопустимости воздаяния злом за зло. Оно опирается на евангельские цитаты, правда, произвольно подобранные. Господь наш действительно сказал «ударившему тебя по правой щеке подставь левую». Но господь сказал и другое — «не мир я принес, но меч...»

— Моральное учение, говорите? — спросил Кнопф, поглаживая пальцем барабан. — А у меня другие сведения.

— Какие же?

— Граф Т. всю жизнь обучался восточным боевым приемам. И на их основе создал свою школу рукопашного боя — наподобие французской борьбы, только куда более изощренную. Она основана на обращении силы и веса атакующего противника против него самого с ничтожной затратой собственного усилия. Железная Борода достиг в этом искусстве высшей степени мастерства. Именно эта борьба и называется «непротивление злу насилием», сокращенно «незнас», и ее приемы настолько смертоносны, что нет возможности сладить с графом, иначе как застрелив его.

Рассказ Кнопфа определенно действовал на отца Паисия — тот испуганно схватился рукой за бороду, словно опасаясь каких-то последствий для нее от этого рассказа. Ствол его револьвера, однако, по-прежнему смотрел в сторону Кнопфа.

— Железная Борода, — сказал он, вытаращив глаза, — вот оно что... А почему такая странная кличка?

Кнопф пожал плечами.

— Азия-с... А упомянутый вами моральный аспект непротивления злу — это просто декоративная философия, которую азиаты так любят присовокуплять к своим кровожадным военным искусствам. Поэтому преследователям, которые посланы в погоню за графом Т., велено открывать огонь, если он попытается оказать сопротивление.

— Какие ужасы вы рассказываете, — охнул отец Паисий. — Неужели они прямо-таки станут стрелять в этого отверженного? Ведь смерть вне лоно церкви, пока над ним довлеет анафема — это верная дорога в геенну!

— Ах, батюшка, а что же делать служивым людям? Ведь графа иначе не взять. Это ужасный противник — хотя, надо признать, руки в крови он старается не пач-

кать. Его азиатская философия именно в том, чтобы не отвечать ударом на удар, а возвести между собой и противником смертельную преграду, о которую расшибется атака, а вместе с ней и атакующий. Препона может быть любой, и в умении создавать ее графу Т. нет равных.

— Значит, в графа будут стрелять? — переспросил отец Паисий. Он, казалось, никак не мог вместить эту ужасную мысль.

— Боюсь, что да, — сокрушенно подтвердил Кнопф.

В воздухе повисло напряженное молчание. А затем дневной свет вдруг померк и наступила тьма — поезд въехал в туннель, и перестук колес, отраженный от каменных стен, сразу заглушил все остальные звуки.

Неизвестно, что именно происходило в грохочущей темноте в следующую минуту или две. Но, когда опять стало светло, купе выглядело более чем странно.

В воздухе плавали клубы сизого порохового дыма. В оконном стекле зияли три пулевые пробоины. Простреленный клубок отца Паисия валялся на полу. Бессознательный Кнопф с багровым кровоподтеком на лбу лежал на кожаном диване, открыв рот и выставив перед собой связанные собственным галстуком руки. А отец Паисий возился с замками окна.

В дверь купе громко постучали. Отец Паисий никак на это не отреагировал — только удвоил усилия. Но окно не поддавалось: видимо, деревянная рама разбухла от сырости, и ее заклинило.

В дверь постучали еще раз.

— Отоприте!

— Одну секунду, господа, — откликнулся отец Паисий. — Мне только надо одеться.

С этими словами он примерился и ударил ногой в окно. Пробитое пулями стекло лопнуло и исчезло под

ударом ветра. Быстро выдернув из рамы самые крупные осколки, отец Паисий швырнул их следом.

— Не валяйте дурака, открывайте немедленно! — раздалось из коридора. — Иначе мы выломаем дверь!

— Сейчас, сейчас...

Отец Паисий выглянул в окно. Впереди была широкая река — поезд уже подъезжал к мосту.

— Отлично, — пробормотал он.

В дверь ударили, и отец Паисий зашпешил. Отвернув нижний край рясы, он высвободил две пришитых к ее кромке петли и, словно в стремяна, вдел в них башмаки. Такие же две петли оказались в рукавах; отец Паисий продел в них ладони. После этого он залез на столик и присел на корточки перед выбитым окном, похожим на квадратную пасть с редкими прозрачными зубами.

Раздался сильнейший удар, и дверь слетела с петель. В купе ввалились люди с револьверами в руках — их было много, и они мешали друг другу. Прежде чем они добрались до стола, отец Паисий сильно оттолкнулся от него ногами и выбросился из поезда.

Преследователи бросились к окну. Первый из них, вскочив на столик, отважно прыгнул следом — и с жутким стуком врезался головой в ферму моста, вдруг возникшую из пустоты. Его тело отлетело от чугунной конструкции, ударилось о вагон и мешком свалилось на землю. В купе раздалась крики досады и гнева. Затем из окна высунулся другой преследователь с двумя револьверами в руках.

За фермами моста видна была спокойная, будто застывшая на дагерротипе, река под сенью высоких перистых облаков. Над водой, как полный ветра зонт, парила фиолетовая ряса отца Паисия. Скользя по воздуху огромной белкой-летягой, он приближался к поверхности воды.

Захлопали выстрелы. Одна пуля отрикошетила от фермы, остальные подняли фонтанчики над рекой. А затем толпящиеся в купе люди потеряли отца Паисия из вида.

II

Сброшенная ряса медленно уплыла в подводную мглу, и на поверхность реки вынырнул уже не отец Паисий, а граф Т. — молодой чернобородый мужчина в белой рубаше без ворота. Глубоко вдохнув, он открыл глаза и посмотрел в небо.

Свод ровных перистых облаков казался крышей, превратившей пространство между землей и небом в огромный открытый павильон — прохладный летний театр, в котором играет все живое. Было тихо, только откуда-то издалека доносился шум уходящего поезда, и еще слышался мерный плеск воды, словно кто-то через равные интервалы времени кидал в воду пригоршни камней.

Несмотря на только что пережитую опасность, Т. ощутил странный покой и умиротворение.

«Небо редко бывает таким высоким, — подумал он, щурясь. — В ясные дни у него вообще нет высоты — только синева. Нужны облака, чтобы оно стало высоким или низким. Вот так и человеческая душа — она не бывает высокой или низкой сама по себе, все зависит исключительно от намерений и мыслей, которые ее заполняют в настоящий момент... Память, личность — это все тоже как облака... Вот, например, я...»

Вдруг настроение Т. самым резким образом переменялось. Умиротворение исчезло, сменившись внезапным испугом — Т. даже сделал несколько произвольных резких гребков.

«Я... Я?? Почему я ничего не помню? Контузило пу-

лей? Стоп... Этот человек, Кнопф, сказал, что меня зовут граф Т. и я пробираюсь в Оптину Пустынь. А откуда я ехал? Ага, он сказал — из Ясной Поляны, это усадьба, которую мы видели за окном... Но зачем я ехал из Ясной Поляны в эту Оптину Пустынь?»

Т. огляделся.

Из-под моста показался корабль. Он был странного вида — похож на большую баржу, но отчего-то с веслами, торчащими из люков в бортах. Весла слаженно поднимались над рекой, замирали на миг и рушились назад в воду, производя тот самый плеск, который Т. слышал уже с минуту.

Чем ближе подплывал корабль, тем больше открывалось необычных деталей. Его украшало подобие носовой фигуры — копия Венеры Милосской на дощатом постаменте (судя по нежной игре света, это был настоящий мрамор). На носу корабля, как на греческой триере, были намалеваны два бело-синих глаза, а над палубой возвышалась надстройка, удивительно похожая на небольшой одноэтажный дом из какого-нибудь уездного городка. Однако, несмотря на все эти художества, было видно, что корабль — никакая не триера, а просто большая грузовая баржа.

Оказавшись возле борта, Т. поплыл под весельными люками. За ними сидели хмурые мужики в подобии греческих хитонов из серой сермяги. Никто из них даже не посмотрел в сторону Т., плывшего совсем рядом.

«Землепашцы, — подумал Т., стараясь держаться ближе к борту. — Оторванные от естественной стихии, превращенные в рабов чужой прихоти... Впрочем, поставить землепашца у станка на городской фабрике — это ведь, в сущности, такое же точно издевательство...»

Последний в ряду люк оказался пустым — пространство за ним было отделено от остальной части трюма